

Вл. Войтинский

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

1. Две половины рабочего рынка Иркутска

Весной и летом текущего года было произведено в Иркутске обследование промышленных, торговых и пр. предприятий*.

Обследование это предпринято было бюро труда при ирк. комитете союза городов с целью выяснения положения местного рабочего рынка. Но материалы обследования проливают свет и на другие стороны хозяйственной жизни города. В частности, эти материалы проливают свет на старый вопрос:

В каком направлении развивается Иркутск?

Где главный пульс хозяйственной жизни города?

По этому вопросу я хочу поделиться с читателями некоторыми соображениями, основываясь на материалах обследования.

Обследование охватило почти *все* существующие в Иркутске предприятия и коснулось положения 15 687 чел рабочих и служащих.

Обследовано:

748 ремесленно-промышленных предприятий,

615 торговых заведений,

железнодорожные службы, пароходные предприятия, извозный промысел, строительные работы, гостиницы, бани, парикмахерские, лечебницы, благотворительные учреждения.

Вне обследования остались: правительственные учреждения, просветительные учреждения и частная служба.

Приведенные цифры, впрочем, не дают представления о масштабе выполненного обследования. Для того чтобы делать из данных обследования какие бы то ни было выводы, мы должны, прежде всего, выяснить, *какая часть* Иркутска охвачена обследованием и *какая часть* осталась вне него.

* Результаты обследования в ближайшем времени выйдут особой книгой под заглавием: «Рабочий рынок г. Иркутска во время войны» (здесь и далее, если это не оговаривается особо, примечания автора. — Д.М.).

Предварительное решение этого вопроса тем более необходимо, что никто не знает в точности, как велико население Иркутска.

Число жителей в городе одни определяют в 90 000, другие в 140 000, третьи склоняются к средним цифрам между 110 000 и 120 000.

При таких условиях нельзя оперировать с цифрами, относящимися к 15 687 чел, пока не выяснено, какую часть хозяйственной жизни города охватывают эти цифры. Обследованием освещены следующие области хозяйственной жизни:

I. Промышленность (почти исключительно обрабатывающая), — 748 предприятий, из них 511 с наемным трудом, в общей сложности с 4 945 рабочими и служащими.

II. Торговля, — 615 предприятий, из них 207 с наемным трудом, в общей сложности с 2 651 служащими.

III. Транспорт, — конторы, пароходства, железная дорога и извозный промысел, в общей сложности с 6 096 рабочими и служащими.

IV. Строительные работы и различные предприятия с наемным трудом, в общей сложности с 1 995 рабочими и служащими.

Посмотрим, какое место занимали эти 4 области хозяйства в жизни Иркутска во время Всероссийской переписи 1897 г.

Перепись не подсчитывала особо рабочих и хозяев в различных отраслях хозяйства, а определяла лишь общее число лиц, живущих доходом или заработком от определенной хозяйственной длительности: купцы шли в подсчет вместе с приказчиками, занятыми в данном виде торговли, предприниматели — вместе с рабочими, шахтовладельцы — вместе с шахтерами.

При этом занятия той или другой группы граждан перепись 1897 г. определяла довольно своеобразно: так напр., младенцы-подкидыши Базановского дома попали по переписи в число лиц «хозяйственно-самостоятельных», — в одну группу с отставными чиновниками, живущими на пенсию.

Само собой разумеется, оперируя с подобными цифрами, необходимо соблюдать большую осторожность.

Но таково бедственное положение российской статистики, что до сих пор у нас нет цифр более надежных и более достоверных, чем цифры переписи 1897 г. И при всевозможных исследо-

ваниях приходится начинать все от той же печки, — от устаревших цифр переписи.

По переписи 1897 г., все население Иркутска равнялось 51 473 чел.

Из этого числа экономически самостоятельных лиц было 28 333 (18 636 мужчин и 9 697 женщин), остальные 23 140 ч. жили на средства, зарабатываемые старшими членами семьи.

Как же распределялись «самостоятельные лица» по различным источникам существования?

4 241 ч. было занято в различных видах обрабатывающей промышленности;

2 034 ч. было занято в торговле;

1 101 ч. жило деятельностью в транспорте;

2 612 ч. находило приложение своих сил в тех областях хозяйственной длительности, которые в материалах обследования мы выделили в IV группу.

Во всех четырех хозяйственных областях перепись 1897 г. отметила в Иркутске в общей сложности 9 988 чел.

Чем же жили остальные 2/3 Иркутска?

1 342 ч. занималось добывающей промышленностью;

1 209 ч. было занято службой в административных учреждениях, суде, полиции, а также в общественных учреждениях, на почте и на телеграфе.

7 165 ч. жило частной службой.

Итак, перепись отметила всего 9 716 ч. в группах занятий, которые остались вне поля обследования предпринятого бюро труда в 1916 г.

Остается еще 8 629 ч. Из них:

2 811 ч. приходится на вооруженные силы,

1 483 ч. жило доходами с капитала,

2 298 ч. жило на средства от казны,

402 ч. сидело по тюрьмам,

102 ч. не имело определенных занятий,

90 ч. жило проституцией,

227 ч. не указало источника своего существования.

Следовательно, большая часть последней группы стоит вне хозяйственной деятельности.

Далеки от хозяйственной деятельности и представители либеральных профессий, отнесенные нами к последней группе:

538 ч., занимавшихся педагогической деятельностью,

150 ч., занимавшихся наукой, литературой, искусством и т.д.

Таким образом, хозяйственная жизнь Иркутска в 1897 году была целиком заключена в рамках первых 2 групп.

«Хозяйствующими субъектами» в Иркутск были в то время:

9 988 ч. в обрабатывающей промышленности, торговле, транспорте и пр. хозяйственных областях, и

9 716 ч. в добывающей промышленности, частной и казенной службе.

Обе группы включают, как я уже упоминал, и *хозяев и рабочих*.

Разберемся внимательней во второй группе.

Среди лиц занятых в добывающей промышленности, перепись отметила 957 ч., занимающихся земледелием. Само собой разумеется, что эти лица занимались земледелием не в самом городе, а за чертой его. Вероятно, в эту цифру вошли крестьяне, временно проживавшие в Иркутске. По отношению к хозяйственной жизни города эти лица являются «хозяйствующими субъектами», лишь как продавцы сельскохозяйственных продуктов или как покупатели.

В весьма обширной группе занятых «частной службой» в данных переписи характерна одна черта: среди 7 165 ч. этой группы мужчины составляют *меньшинство*, — мужчин здесь 2 821 ч., женщин — 4 344 ч. В эту цифру вошла домашняя прислуга (горничные, кухарки, повара, дворники) и, по всей вероятности, поденщики и поденщицы со случайным заработком.

Число прислуги в городе растет параллельно росту города и увеличению его населения.

Если в 1897 г. из 28 333 ч. «самостоятельных лиц» в г. Иркутске 7 165 ч. приходилось на прислугу, то такое же, приблизительно, соотношение осталось и теперь.

И если за 20 лет население города увеличилось в 2–2½ раза, то представляется вероятным, что в настоящее время число прислуги в Иркутске выражается цифрой в 15–18 тысяч человек.

Следовательно, частная служба представляет в Иркутске рабочей рынок приблизительно такой же или большей емкости,

чем промышленность, торговля, транспорт и все остальные области хозяйства, охваченные обследованием бюро труда.

Этот факт может показаться невероятным. Кажется странным, что число людей, прибирающих в комнатах за нами и стряпающих для нас на кухнях, *больше* чем число рабочих, и приказчиков, и железнодорожных служащих, и извозчиков, вместе взятых!

Но этот факт известен статистике и наблюдается подобное явление нередко.

Города являются центрами двоякого рода: *производительными* и *потребительными*.

Одни города вызываются к жизни наличностью условий, благоприятствующих развитию определенной промышленности, — так на наших глазах превращается в город Черемхово.

Другие города создаются там, где — в силу тех или других причин — образуется скопление значительного количества потребителей. Так превращается в город крепость с гарнизоном, который привязан к данному месту требованиями стратегии. Так превращается в город курорт, выросший вокруг целебного источника...

В дальнейшем развитии у городов-производителей и городов-потребителей оказывается много общих черт.

Те и другие становятся рынками для окрестного сельскохозяйственного населения. Те и другие развивают торгово-распределительную деятельность по отношению к более или менее обширному району. В тех и других городах развивается ремесленная (да и не только ремесленная) промышленность.

И, пожалуй, самым надежным показателем того, является ли данный город *по преимуществу* производительным или потребительным, является соотношение в нем между числом рабочих и служащих, с одной стороны, и числом прислуги, с другой стороны.

Судя по цифрам 1897 г., для Иркутска это соотношение складывается так, что его приходится признать (для года переписи) *по преимуществу потребительным* центром.

Хозяев и рабочих в иркутской промышленности было в 1897 году — 4 241 чел, а прислуги — 7 165 чел.

Если в основных чертах экономика Иркутска теперь та же, что была 20 лет тому назад, то обследование бюро труда охватило, приблизительно, *половину* иркутского рабочего рынка.

Но обследована та половина рабочего рынка, которая представляет, во всех отношениях, наибольший интерес, та половина рабочего рынка, к которой одной только и прилагается понятие «рабочего вопроса».

Что касается до той области приложения труда, которая осталась вне обследования, до «частной службы», то сюда вход статистике закрыт наглухо своеобразными психологическими навыками служащих и хозяев. Я затруднился бы назвать хоть одно исследование, которое осветило бы эти задворки рабочего рынка столь же полно, как освещено было не раз положение промышленных и транспортных рабочих или торговых служащих.

Следовательно, обследование бюро труда охватывает ту часть иркутского рабочего рынка, которая одна только и может быть предметом статистического изучения. И это заставляет нас признать данное обследование достаточно полным, чтоб опираться на его цифры при выяснении поставленного выше вопроса о хозяйственной эволюции Иркутска.

Мы имеем цифры 1897 г., показывающие распределение населения г. Иркутска по различным группам занятий. И перед нами новые данные, охватывающие всю (или почти всю) торговлю и промышленность города.

Сопоставление двух рядов цифр должно показать нам, в какую сторону передвинулся за 20 лет центр тяжести хозяйственной жизни города. В частности, сопоставление этих цифр прольет свет и на тот вопрос, которого пока мы коснулись лишь мимоходом, на вопрос о том, является ли Иркутск по преимуществу *производительным* или *потребительным* центром.

(Сибирь. 1916. 17 нояб.)

2. Хозяйственная жизнь Иркутска 19 лет тому назад и теперь

В предыдущем очерке я привел цифры распределения «самостоятельного» населения Иркутска по группам занятий в 1897 г.:

в обработыв. промышл.	4 241 ч.
в торговле	1 890 ч.
в транспорте	1 101 ч.
в пр. областях приложения труда	2 612 ч.

Обследование, предпринятое иркутским бюро труда в текущем 1916 г., обнаружило следующее число наемных рабочих и служащих в тех же областях хозяйственной деятельности:

в промышленности	4 945 ч.
в торговле	2 651 ч.
в транспорте	6 106 ч.
в пр. областях приложения труда	1 995 ч.

В первом ряде цифр вместе с рабочими сосчитаны хозяева и самостоятельные производители. В цифры второго ряда входят только люди, продающие свою рабочую силу.

Чтоб сделать цифры того и другого ряда сравнимыми между собой, мы должны — одно из двух: или исключить хозяев и самостоятельных производителей из цифр первого ряда; или же в цифры второго ряда ввести самостоятельных производителей и хозяев.

Первая операция для нас невозможна, в виду крайней неполноты статистических сведений о хозяйстве Иркутска в 1897 г. Для выполнения второй операции материалы обследования 1916 г. доставляют требуемые данные.

4 945 ч. рабочих зарегистрировано счетчиками бюро труда в 511 промышленных и ремесленных предприятиях. Наряду с этим, обследование отметило в городе 237 ремесленных мастерских без наемного труда, но можно считать, что часть мастерских без наемного труда ускользнула от внимания счетчиков. Материалы обследования прямо указывают, кроме того, что вне учета остались кустари, берущие работу из мастерских и с фабрик на дом (сапожники, портнихи, женщины и дети, занимающиеся заворачиванием карамели в бумажки и т.д.).

4 945 ч. рабочих + 511 ч. хозяев + 237 ч. самостоятельных ремесленников — вот уже 5 693 ч., занятых в промышленности. Прикинем сюда некоторое число на лиц, оставшихся вне учета, и цифра перейдет за 6 000 ч.

Вспомним теперь, что перепись 1897 г. производилась *зимой*, а обследование бюро труда было проведено *летом* — и примем во внимание, как должно было отразиться это обстоятельство на цифрах. В материалах обследования 1916 г. мы находим 811 ч. рабочих на кирпичных заводах, а перепись 1897 г. в более широкой группе «обработки минеральных веществ» отметила всего

74 ч. (так как в то время года, когда производилась перепись, кирпичные заводы не работают).

Поэтому, фиксируя число «самостоятельных лиц», занятых в иркутской промышленности зимой 1916 г., в 6 000 ч., мы даем скорее преувеличенную цифру, чем преуменьшенную.

Число торговых служащих обследование 1916 г. определило в 2 651 ч. Это число служащих распределяется между 282 предприятиями (лавки и магазины, рестораны, столовые и кухмистерские, банки, конторы и потребительные общества). У части перечисленных предприятий нет владельца-хозяина (банки, кооперативы), но у некоторых предприятий имеется 2–3 владельца разом. Кроме того, обследование отметило 333 торговых предприятия без наемного труда.

Примем число хозяев-купцов равным числу предприятий. Тогда число занятых в торговле лиц окажется по данным обследования: 2 651 ч. служащих + 615 ч. хозяев — всего 3 266 ч.

Но вне этой цифры остаются мелкие комиссионеры, разносчики-продавцы газет, барахольщики, держатели ларей и киосков и т.д. С ними число занятых в торговле дойдет до 4 000.

Число лиц, занятых в транспорте, мы можем определить с большей точностью. К 6 106 ч. рабочих и служащих мы должны прибавить, согласно данным обследования, 1 659 ч. хозяев-извозчиков, 60 ч. извозчиков-арендаторов и 11 владельцев транспортных контор и пароходов. Таким образом, число «самостоятельных лиц», занятых в транспорте, окажется равным 7 836 ч. Но вне этого числа остаются рабочие, обслуживающие сношения Иркутска с Леной (их одна только контора в Иркутске нанимает 300 ч.), часть железнодорожных служащих (ибо обследование охватило *не все* службы) и временные ремонтные рабочие, занятые при железнодорожном телеграфе. С этими поправками число занятых в транспорте лиц окажется значительно выше 8 000 ч. И мы получаем основание фиксировать в 8 000 ч. число «самостоятельных лиц», обслуживающих в Иркутске транспорт в *зимнее* время (при отсутствии навигации).

Области хозяйства, отнесенные в материалах обследования в IV смешанную группу, обследованы весьма неполно. Кроме того, рамки этой группы в материалах обследования не вполне совпадают с рамками аналогичной группы по данным переписи.

Поэтому общее число «самостоятельных лиц» в этой группе для зимы 1916 г. мы примем в 2 раза больше числа зарегистрированных в этой группе рабочих и служащих, то есть, приблизительно, в 4 000 ч.

Получаются два ряда цифр, допускающие сравнения и сопоставления.

Число «самостоятельных лиц»

	в 1897 г.	в 1916 г.
в промышлен.	4 241 ч.	6 000 ч.
в торговле	1 890 ч.	4 000 ч.
в транспорте	1 101 ч.	8 000 ч.
в проч. област.	2 612 ч.	4 000 ч.
Итого	9 844 ч.	22 000 ч.

Значит, во всех 4 областях хозяйства число «самостоятельных лиц» за 19 лет увеличилось на 12 156 ч. или на 124%. Но по отдельным отраслям хозяйства этот прирост распределяется весьма неравномерно:

Прирост за 19 лет

	число	в % числа 1897
в промышлен.	+ 1 759 ч.	+ 41%
в торговле	+ 2 110 ч.	+ 112%
в транспор.	+ 6 899 ч.	+ 627%
в проч. обл.	+ 1 382 ч.	+ 53%

Бросаются в глаза два явления:

Огромное увеличение числа лиц, занятых в *транспорте*, и весьма слабое увеличение числа лиц, занятых в *промышленности*.

За 19 лет число «самостоятельных лиц» в транспорте увеличилось в 7 раз с лишком, а число лиц, занятых в промышленности, не увеличилось и в полтора раза.

Большая половина прироста «самостоятельных лиц» (увеличение с 9 844 ч. до 22 000 ч.) падает на *транспорт* и только 15% на *промышленность*. Если считать, что за время, протекшее с года переписи, Иркутск возрос в $2\frac{1}{4}$ раза (на 125%), то можно формулировать отмеченное явление еще так:

За последние 19 лет количество энергии, затрачиваемой Иркутском на *транспорт*, увеличивалось в 5–6 раз быстрее,

чем возрастало население города, а количество энергии, поглощаемой *промышленностью*, увеличивалось в 3 раза медленнее роста города.

Получается поразительно яркая картина перенесения центра тяжести хозяйственной жизни города из *промышленности* в *транспорт*.

В 1897 г. промышленность поглощала 43% хозяйственных сил города, в 1916 г. она поглощает 27%, а значение транспорта за этот промежуток времени возросло с 20% до 36%.

Но вывод, к которому мы приходим, нуждается в дальнейшем анализе.

Из каких элементов слагаются приведенные цифры лиц, занятых в транспорте за 1897 г. и за 1916 г.?

На этот вопрос отвечает следующая табличка.

Число «самостоят. лиц»

	в 1897 г.	в 1916 г.
в водн. сообщ.	47 ч.	719 ч.
на жел. дороге	176 ч.	3 869 ч.
в извозн. промысле	866 ч.	3 181 ч.
в ост. сред. передв.*	12 ч.	57 ч.

Следовательно, огромное увеличение числа лиц, занятых в Иркутске транспортом, обуславливается развитием *извозного промысла* и сосредоточением в городе *служб управления забайкальской железной дороги*.

Извозный промысел разделяется на *легковой* и *ломовой* извоз. В легковом извозе обследованием бюро труда зарегистрировано 1 106 хозяев, 906 работников и 60 арендаторов, — всего 2 072 ч., в ломовом извозе — 553 хозяина и 368 работников, — всего 921 чел. Значит, легковая езда, перевозка иркутян из одного конца города в другой, поглощает в 2 раза больше трудовой энергии, чем перевозка клади.

Но еще больше энергии поглощает железная дорога. Иркутск не является железнодорожным узлом. Не является он и *центром* железной дороги. Обслуживаемая им забайкальская железная

* Последняя графа случайна по составу и ее цифры (12 и 57) не могут быть сравнимаемы.

дорога лишь *одним концом* упирается в Иркутск и убегает от него на тысячи верст на восток. Но в Иркутске сосредоточены учреждения, обслуживающие железную дорогу. И это, в конце концов, случайное обстоятельство, не зависящее от внутренней логики хозяйственного развития города, дало Иркутску 4 тысячную группу населения, существование которой неразрывно связано с железной дорогой.

4 000 железнодорожников со своими семьями создают почти 10 000-ную массу потребителей. И в жизни Иркутска присутствие этой массы весьма заметно.

Эту потребительскую массу обслуживают сотни приказчиков, на нее работают десятки портновских и сапожных мастерских, прачечных, булочных, колбасных и т.д.

Одного факта появления в городе этой *новой* потребительской армии, не существовавшей в 1897 г., достаточно, чтоб объяснить отмеченный нами выше *прирост* иркутской промышленности и торговли.

Но за 19 лет в городе появились не только службы управления забайкальской железной дороги. Появилось еще множество казенных управлений и учреждений с тысячами служащих.

И сравнение цифр переписи 1897 г. с материалами обследования, выполненного иркутским бюро труда, приводит нас к выводу, что *именно здесь основа хозяйственного развития Иркутска за последние 19 лет.*

Иркутск растет и развивается не как промышленный, а как торговый и административно-транспортный центр. В силу ряда условий здесь сложился значительный и непрерывно увеличивающийся центр потребления. Отсюда — развитие местной торговли. *Промышленность же в Иркутске является, по-видимому, не фактором, не движущей силой развития города, а результатом его развития.*

Можно отметить ряд признаков, которые и на будущее время указывают Иркутску путь развития *в качестве потребительского центра.* Например, вероятное в ближайшем будущем открытие в Иркутске университета усилит значение города как центра потребления, введет новые кадры в его потребительскую массу. С другой стороны, торгово-распределительная роль Иркутска не только не усиливается, но падает с году на год. И представляется

сомнительным, чтоб эта роль Иркутска оживилась от проведения железной дороги Иркутск–Бодайбо. Но если проектируемая линия будет проведена, в Иркутске появятся новые потребители в лице служащих новой железной дороги. Возможно, потечет в город и бодайбинское золото...

В результате будет развиваться, как развивалась, впрочем, и до сих пор, иркутская промышленность. Но в основе такого развития будет лежать, как и до сих пор лежало, *развитие города как центра потребления*.

Вывод, к которому мы пришли, чрезвычайно важен в смысле определения очередных практических задач, стоящих перед городом. Но так как этот вывод освещает хозяйственную эволюцию Иркутска несколько непривычным светом, то проверим еще раз правильность нашего заключения. С этой целью рассмотрим, из чего, из каких частей слагается иркутская промышленность*.

(Сибирь. 1916. 30 нояб.)

3. Из чего слагается иркутская промышленность

В предыдущих очерках я привел суммарные цифры, добытые обследованием иркутского рабочего рынка.

В *промышленности* это обследование зарегистрировало 4 945 ч. рабочих и служащих в 511 предприятиях, пользующихся наемным трудом (при общем числе предприятий — 748).

Обратимся к рассмотрению состава этих 748 предприятий и распределения между ними рабочих.

В нашей официальной статистике принято распределение промышленных предприятий по одному единственному признаку — по главному из перерабатываемых ими материалов. При этом способе классификации прачечные и красильни оказываются в группе «смешанных предприятий по обработке волокнистых веществ» (или по «обработке тканей»); мыловаренные заводы и сапожные мастерские попадают в группу «обработки животных продуктов»; мастерские духовых инструментов относятся к «обработке металлов», гармонные мастерские — к «обработке дерева» и т.д.

Это деление носит несколько условный характер. Но оно удовлетворяет основному требованию научной классифика-

* Цифровой материал настоящего очерка взят из книжки «Рабочий рынок г. Иркутска во время войны».

ции, — требованию простоты и ясности. За него говорит еще и то, что оно *общепринято*, а в статистике отступление от общепринятой классификации допустимо лишь при наличии весьма веских мотивов.

Деление предприятий по обрабатываемому ими материалу положено в основание всех таблиц и вычислений и в печатаемой книге «Рабочий рынок г. Иркутска во время войны».

Согласно этому делению, все промышленные, ремесленные и кустарные предприятия в Иркутске распадаются на 10 групп и 40 подгрупп.

Количество предприятий и число рабочих во всех этих группах и подгруппах представляется в таком виде:

I группа. Добывающая промышленность

1) Садоводство и огородничество	7 пр.	с 32 раб.
2) Каменоломни	8 »	с 18 »

Всего по группе 15 » с 50 »

II группа. Обработка волокнистых веществ

3) Пимокатные мастерские	6 »	с 97 »
4) Прядильно-веревочные заведения	3 »	с 114 »

Всего по группе 9 » с 211 »

III группа. Обработка тканей

5) Портновские мастерские	57 пр.	с 137 раб.
6) Модные мастерские	60 »	с 169 »
7) Шапочные мастерские	13 »	с 38 »
8) Шляпные мастерские	12 »	с 31 »
9) Чулочные мастерские	13 »	с 26 »
10) Красильни	5 »	с 29 »
11) Прачечные	46 »	с 209 »

Всего по группе 206 » с 639 »

IV группа. Обработка бумаги и полиграфические производства

12) Фабрики кульков и гильз	2 пр.	с 34 раб.
13) Переплетные и типографии	11 »	с 446 »
14) Фотографии и живописные маст.	26 »	с 37 »

Всего по группе 39 » с 517 »

V группа. Обработка дерева

15) Лесопильные заводы	4 пр.	с 94 раб.
16) Столярные и т.п. мастерские	66 »	с 139 »
17) Музыкальные мастерские	5 »	с 7 »

Всего по группе 75 » с 240 »

VI группа. Обработка металла

18) Заводы	5 пр.	с 264 раб.
19) Слесарные и т.п. мастерские	52 »	с 281 »
20) Кузнечно-экипажные мастерские	42 »	с 128 »
21) Ювелирно-часовые мастерские	34 »	с 49 »

Всего по группе 133 » с 722 »

VII группа. Обработка минеральных веществ

22) Камнетесные мастерские	4 пр.	с 25 раб.
23) Кирпичные заводы	9 »	с 811 »
24) Разные мастерские	5 »	с 14 »

Всего по группе 18 » с 850 »

VIII группа. Обработка животных продуктов

25) Кожевенные заводы	10 пр.	с 251 раб.
26) Шорные мастерские	10 »	с 28 »
27) Шубные мастерские	5 »	с 74 »
28) Сапожные мастерские	145 »	с 163 »
29) Мыловаренные заводы	7 »	с 31 »
30) Щеточная и матрасная мастерская	4 »	с 25 »

Всего по группе 181 » с 572 »

IX группа. Обработка питательных веществ

31) Мельницы	2 пр.	с 84 раб.
32) Прянично-кондитерские и макар. фабр.	3 »	с 341 »
33) Булочные	41 »	с 262 »
34) Кишечно-колбасные заведения	10 »	с 135 »
35) Маслобойные заводы	2 »	с 7 »
36) Квасоваренные и дрожжевые заводы	8 »	с 126 »

Всего по группе 66 » с 955 »

<i>X группа. Предприятия, не вошедшие в предыдущие группы</i>		
37) Папиросная фабрика	1 пр.	с 32 раб.
38) Водопровод	1 »	с 24 »
39) Электрическая станция	1 »	с 64 »
40) Предприятия по городскому благоустр.	3 »	с 171 »
<hr/>		
Всего по группе	6 »	с 291 »
<hr/>		
Итого	748 предпр. с 4945 раб.*	

Приведенный список можно считать *достаточно полным*. Если часть предприятий и не попала в обследование, предпринятое бюро труда, то это мелкие предприятия, не пользующиеся наемным трудом и работающие без вывески. Все сколько-нибудь значительные мастерские Иркутска вошли в этот список.

Разберемся же в этом списке.

Первое, что бросается в нем в глаза, это численное преобладание в нем мастерских, занятых изготовлением, починкой и чисткой одежды и обуви: 145 сапожных мастерских, 60 — модных, 57 — портновских, 46 — прачечных, 13 — чулочных, 13 — шапочных, 12 — шляпных, 5 — красилен, всего — 351 предприятие, почти половина общего числа промышленных и ремесленных предприятий, зарегистрированных в городе.

Второе, что можно отметить в приведенном списке, — это огромное число рабочих, занятых на кирпичных заводах. Здесь обследованием зарегистрировано 811 ч., т.е. больше человек, чем в какой бы то ни было иной отрасли промышленности.

Рассмотрим по порядку перечисленные отрасли промышленности и попытаемся выяснить, *на какой круг потребителей они работают*.

Садоводства и огородничества, как и каменоломни, работают *исключительно* на городских потребителей.

Пимокатные мастерские и прядильно-веревочные заведения обслуживают *частью* город, *частью* прилегающий к городу деревенский район. Эти предприятия не характерны для города,

* Очевидно, при наборе цифрового материала в текст газетной статьи вкрались досадные опечатки, которые мы не можем устранить и которые не вносят каких-либо корректив в выводы автора (прим. публ.).

такие же мастерские разбросаны и кругом Иркутска, по деревням и селам.

Предприятия, объединенные в группу «обработки тканей», работают *исключительно* на город. Если какой-нибудь житель уезда сошьет себе костюм в городе или отдаст свое белье в городскую прачечную, то это не меняет общего положения: портные, шапочники, портнихи, чулочницы и шляпницы работают на городского потребителя, обслуживают городской рынок.

То же самое можно сказать о фотографиях и живописных мастерских. Но фабрики кульков и гильз, переплетные и типографии работают *в известной степени* и на провинцию. Газеты и книги, печатаемые в Иркутске, расходятся и за чертой города.

Продукты предприятий по «обработке дерева», напротив того, потребляются только в городе. Никто не повезет из города в уезд доски с лесопильного завода. Что же касается до мебели, то отправка ее в провинцию наблюдается не чаще, чем ввоз в город мебели, изготовленной в пригородных деревнях и селам.

«Обработка металла» менее строго замыкается городской чертой. Предметы, изготавливаемые крупными металлообрабатывающими предприятиями Иркутска, идут и на Лену, и на Ангару, и за Байкал. Но мелкие слесарные и кузнечные мастерские работают *почти исключительно* на городских потребителей, в провинции подобных мастерских сколько угодно и крестьянин редко едет в город с заказом или починкой к кузнецу, слесарю или жестянщику. Равным образом, на город *по преимуществу* работают местные часовые мастера и ювелиры.

Каменотесные мастерские в Иркутске занимаются почти исключительно изготовлением надгробных памятников. Иногда предметы их производства попадают за много тысяч верст за черту города, мне пришлось, например, видеть на кладбище в Якутске памятники иркутской работы. Но это редкое исключение. В общем, каменотесные мастерские можно считать почти столь же крепко привязанными к местному городскому рынку, как и кирпичные заводы.

Из предприятий по «обработке животных продуктов» целиком на местный рынок работают сапожные и шорные мастерские. Шубные мастерские обслуживают *отчасти* и провинцию.

Несомненно, на провинцию работают *в известной части* кожевенные и мыловаренные заводы.

Из группы «обработки питательных веществ» булочные и колбасные работают *только* на город. Прянично-кондитерские и макаронные фабрики обслуживают как город, так и всю Иркутскую губернию и Якутскую область. Квасоваренные заводы работают, *главным образом* на город, *отчасти* — на ближайшие железнодорожные станции и села.

Из предприятий последней смешанной группы только папиросная фабрика может *некоторую часть* своего продукта отдавать за пределы городского рынка.

Таким образом, часть предприятий иркутской промышленности обслуживает *только* город, а другая часть *работает на город и на рынки расположенные вне города*.

Исключительно обслуживанием городского потребителя занято в Иркутске 683 предприятия с 3 213 рабочими.

Отчасти и на провинцию работают 65 предприятий с 1 732 рабочими.

Среди предприятий последней группы обращают на себя внимание:

Типографии и переплет.	11 пр.	с 446 раб.
Металлообаб. заводы	5 »	» 264 »
Кожевенные заводы	10 »	» 251 »
Прянично-кондитерские и макар. фабр.	8 »	» 341 »
Квасоваренные и дрожжевые заводы	8 »	» 126 »

Какая же часть трудовой энергии, поглощаемая этими предприятиями, служит удовлетворению потребностей *не* иркутского населения? При ответе на этот вопрос исходить мы должны не из положения нынешнего момента, когда трудовая энергия *всей* страны скована задачами обороны, а из нормальной обстановки мирного времени.

В обычное время едва ли 1/10 работы. Выполняемой иркутскими типографиями, идет на иногородних заказчиков. Железнодорожные бланки, торговые книги, рекламы — все это должно быть отнесено к городскому рынку. На иногородний рынок падет лишь часть (около 1/2) газетной работы.

Из иркутских металлообрабатывающих предприятий заводского типа лишь 1–2 уделяли до войны значительную часть

внимания иногородним заказчикам. Остальные работали *почти исключительно* на городской рынок.

Не в большем количестве расходились из города и продукты кожевенной промышленности.

Специально на провинцию и на Лену работали только прянично-кондитерские и макаронные фабрики, размещавшие на городском рынке меньшую часть своей продукции.

В общей сложности, мы скорее впадем в преувеличение, чем преуменьшим цифру, если примем, что в мирное время 400–500 чел. Рабочих в иркутской промышленности было занять производством *на вывоз*. Значит, по крайней мере 90% трудовой энергии иркутской промышленности поглощалось потребностями *местного, городского рынка*.

Война изменила положение вещей. Сейчас на оборону, то есть, на бесконечно далекий от Иркутска рынок, работают и сапожники, и портные, и жестянщики. Сейчас продукты иркутских прянично-кондитерских фабрик идут в Европейскую Россию, а иркутским типографам предлагают заказы из Петрограда...

Но кончится военная разруха, восстановятся старые границы рынков и промышленных районов, — и Иркутск вернется к старому положению: 9/10 сил его промышленности будут направлены на удовлетворение потребностей иркутян, и максимум 1/10 будет обслуживать «внешние» рынки, — то есть, потребителей, живущих вне города.

О чем свидетельствует такой «самодовлеющий» характер иркутской промышленности?

О том, что Иркутск является *потребительским*, а отнюдь не промышленным центром.

Поясним этот вывод.

Каждый город находится в состоянии обмена с другими городами и деревней.

В город ввозятся продукты сельского хозяйства. В город доставляют товары, изготовленные в других городах. И город потребляет все доставляемое в него.

Но за каждый куль хлеба, за каждый короб угля, за каждый аршин ткани *нужно платить*. И если город поглощает ежегодно 10 000 000 всевозможных товаров и сельскохозяйственных про-

дуктов, то на эту же сумму он должен выдать каких-либо хозяйственных ценностей на внешние рынки.

Промышленный город расплачивается с внешними рынками ценностью товаров, создаваемых на его фабриках и заводах и вывозимых из города.

Торговый город расплачивается теми барышами, которые остаются у него в результате его посреднических операций, барышами, вытекающими из разности цен.

Чем расплачивается Иркутск?

Товары вывозятся из него в ничтожном количестве. Продукты иркутской промышленности, выдаваемые на внешние рынки, не уравнивают ценности одного только хлеба, потребляемого городом.

А торговые обороты Иркутска? В городе имеются банки, оптовые склады и магазины, обслуживающие огромный район. Но ведь все это — отделения российских фирм! Барыши от операций Второва, Морозова, Сытина, Эрманса, «Проводника» и «Треугольника», всеобщей компании электричества, Шуккерта, русско-азиатского банка и т.д. не остаются в Иркутске, а уходят в Москву и Петроград. Этими барышами Иркутск не может оплатить ни одного мешка картофеля, ни одной кринки молока, привезенных из деревни на городской базар.

Чем же расплачивается город за ввозимые в него продукты?

Ответ возможен только один.

Иркутск представляет собой скопление *потребителей*, за которыми обеспечено известное количество продуктов суммой получаемого ими месячного дохода. В этом — основание складывающегося в пользу города баланса товарообмена. В этом же основная ось экономической жизни города.

Центр тяжести хозяйственной жизни Иркутска не в его фабриках и ремесленных мастерских, а в его бесчисленных канцеляриях, управлениях, военных частях и железнодорожных службах. Через них притекают в город деньги, обеспечивающие за ним роль крупного потребительного центра. Этими деньгами оплачиваются 9/10 продуктов местной промышленности. А на внешние рынки Иркутск отдает лишь *незначительные остатки* продуктов промышленности и ремесленного труда, обслуживающих его потребности...

Мы не желали бы втискивать в узкую словесную формулу сложную, противоречивую действительность. Мы помним, что каждое словесное определение передает лишь господствующую тенденцию, а не самую действительность в ее многообразии.

Но со всеми этими оговорками, пора отказаться от представления об Иркутске как о *промышленном* центре огромного района. Нужно признать, что Иркутск только потребительский центр, существование которого обеспечено административным и транспортным значением города.

В этом смысле Иркутску не страшна конкуренция ни Черемхова, ни Тулуна, ни других близлежащих быстро развивающихся сел.

В конечном счете, возникновение новых промышленных и торговых пунктов в районе окажется стимулом дальнейшего роста Иркутска. Город сохранит свое значение, и может расти даже при очевидной немощности его промышленности.

(Сибирь. 1917. 8 февр.)

4. Сколько стоит рубль в Иркутске?

I.

На исходе второго года войны ирк. город. управа опубликовала табличку цен на предметы первой необходимости. В этой табличке цены июня 1916 года сопоставлялись с ценами, стоявшими на те же самые предметы накануне войны, в июне 1914 г.

В табличку было внесено, в общей сложности, 54 различных товара: 8 названий мучных продуктов, 5 кормовых продуктов, 8 категорий мяса и рыбы, 5 предметов молочно-яичной торговли, 8 бакалейных товаров, 7 видов мануфактуры, обувь, топливо, освещение, бумага.

Как видите, подбор товаров универсальный.

Нельзя, разумеется, считать справочные цены управы бесцельно точными. Цена товара колеблется со дня на день. Кроме того, нередко один и тот же товар в одной лавке продается дороже, в другой дешевле.

Городская управа не обладает аппаратом для уловления всех этих колебаний товарных цен. Цены отмечаются ею по указа-

ниям «смотрителей рынков». А эти «смотрители», не обладая никаким цензом и не имея никакого представления о статистическом методе, отмечают цены на глаз, потому, что слышат и видят, толкаясь по рынку между возов и лотков.

Но эти, первобытным способом определяемые, справочные цены все же довольно отчетливо отражают положение городского рынка. Они недостаточно точны, чтоб проследить по ним движение цены какого-либо *одного* товара. Но мы можем смело опереться на них при выяснении *общего* вопроса о росте дороговизны.

Если цены июня 1915 г. выразить в процентах к ценам июня 1914 г., то можно, основываясь на упомянутой выше табличке, вычислить, на сколько процентов вздорожал в Иркутске каждый продукт за первые два года войны.

Получаются такие цифры:

Крупчатка 1-го с.	подорожала на	87%
Мука ржаная	»	66%
Горох	»	80%
Овес	»	137%
Говядина	»	56%
Омуть	»	257%
Молоко	»	95%
Яйца	»	100%
Масло сливочное	»	82%
Сахар рафинад	»	73%
Ситец	»	120%
Полотно	»	50%
Миткаль	»	172%
Ботинки дамские	»	152%
Дрова	»	70%

и т.д.

Очевидно, что за этим стремительным повышением цен на все предметы потребления скрывается *обесценение денег*, падение ценности рубля.

Здесь речь идет, конечно, не о курсе рубля на зарубежных рынках, а о той реальной, действительной ценности, какую имеет рубль на руках каждого потребителя.

Цены товаров выражаются в рублях и копейках. Цена рубля, наоборот выражается в предметах потребления, в товарах. Рубль стоит для потребителя столько, сколько можно купить на него хлеба, мяса и пр. продуктов. Если товары дорожают, если уменьшается покупательная сила рубля, то вместе с тем рубль как бы съезживается, становится меньше, превращается в 4 двугривенных, в 5 пятиалтынных или в еще меньшую сумму...

Изучая явления иркутского рабочего рынка я пытался на основании справочных цен ирк. гор. управы выяснить, насколько изменилась за 2 года войны покупательная сила рубля в руках иркутского обывателя. Имея в виду малоимущего обывателя — рабочего, я исходил при решении вопроса из таких соображений.

Приблизительно половина средств у среднего рабочего уходит на пищу. А другая половина средств распадается между тремя группами расходов: 1) одежда и обувь, 2) квартира с отоплением и освещением, 3) прочие потребности.

Среднее вздорожание предметов питания в г. Иркутске за два года войны я определил в 84,6%.

Среднее вздорожание одежды и обуви за то же время оказалось равно 151%.

Относительно квартиры я принял допущение, что расход на нее повысился, в среднем, на столько же, насколько вздорожали предметы отопления и освещения, — на 50%.

Товары, поглощающие последнюю долю второй половины средств потребителя, повысились, самое меньшее, на 150%.

На основании этих вычислений мы приходим к выводу, что товары в Иркутске за первые два года войны вздорожали больше, чем на 100%.

Это значит, что за предмет, стоивший до войны полтинник, в июне 1916 г. приходилось платить рубль и больше. Иными словами, рубль к концу второго года войны стоил в Иркутске столько же, сколько стоил в довоенное время полтинник.

И это еще слава Богу!

Экономический отдел всероссийского союза городов опубликовал этим летом книжку «Движение цен за два года войны». В этой книжке дана, между прочим, табличка московских цен, приблизительно за то же самое время, к которому относится упомянутая выше табличка ирк. гор. управы.

Оказывается, за два года цены в Москве поднялись:

На продукты продовольствия в среднем — на 125%, на топливо в среднем — на 124%, на предметы освещения в среднем — на 110%, на мануфактуру в среднем — на 162%, на обувь в среднем — на 234%.

Если эти цифры перевести на бюджет малоимущего потребителя по тому же методу, каким я высчитывал падение покупательной силы денег для Иркутска, то окажется, что в Москве за 2 года войны цены поднялись, в среднем, на 140% и реальная цена рубля упала не до полтинника (как в Иркутске), а до 40 к. с небольшим.

Иркутский обыватель, полгода тому назад, на исходе 2-го года войны, не имел, следовательно, права жаловаться на свою судьбу...

Но с тех пор положение изменилось.

Цены растут на наших глазах, но мы как-то не отдаем себе отчета в значении этого явления. Может быть, нам легче будет осмыслить его, если мы окинем взглядом изменения, происшедшие в ценах за известный промежуток времени.

Сравним нынешние цены с ценами, существовавшими 7 месяцев тому назад, на исходе 2-го года войны, когда все уже вздороджало вдвое, и рубль стал полтинником. За основание возьмем снова справочные цены, сообщаемые гор. управе смотрителями хлебного, мелочного и сенного рынков.

Хлеб ржаной 1 июля 1916 г. стоил 4–4½ к. за фунт, а 1 февраля 1917 г. — 6½–7 к. за фунт; хлеб пшеничный за то же время вздороджал с 6 к. за фунт до 14 к.; хлеб пеклеванный стоил 6 к. за фунт, теперь стоит 13 к.

Итак, цены печеного хлеба поднялись в такой степени:

Ржаной хлеб — на 59%, пшеничный хлеб — на 133%, пеклеванный хлеб — на 116%, в среднем для 3 сортов хлеба — на 103%.

В это же время крупчатка 1-го сорта вздороджала с 8 к. до 16 к. за фунт, а крупчатка 2-го сорта с 7 к. до 15 к. за фунт. Среднее вздороджание крупчатки за 7 месяцев — 107%.

Но этого мало. За эти 7 месяцев ухудшилось и качество хлеба, и качество появляющейся на рынке муки, так что фактически

за мучные продукты прежнего качества теперь приходится платить не вдвое против прежнего, а гораздо больше.

Мясо скотское стоит теперь столько же, сколько стоило 7 месяцев тому назад (20–22 к. за фунт). Но ни для кого не секрет, что эти «низкие» цены доживают свои последние дни, что к весне мясо подорожает (быть может, вдвое)...

Свиное мясо (заднее) 1 июля 1916 г. стоило 30 к. за фунт, а 1 февраля 1917 г. — 55 к. за фунт (вздорожание в 83%), говяжье мясо (заднее) с 30 к. поднялось в цене до 35 к. за фунт (вздорожание в 16%), сало нетопленое вздорожало с 40 до 65 к. (вздорожание в 62%).

Таймень с 50 к. за фунт поднялась в цене до 70 к. (вздорожание в 40%), селенга — с 80 к. до 1 р. 35 к. (вздорожание в 63%).

Четверть молока 1 июля 1916 г. продавалась за 40–45 к., а 1 февраля 1917 г. — за 1 р. 10 к. (вздорожание в 117%). Бутылка молока шла за 10 к., теперь идет за 22 к. (вздорожание в 120%). Масло сливочное стоило 1 р. за фунт, теперь стоит 1 р. 80 к. — 2 р. 20 к. (вздорожание в 95%). Сметана вздорожала с 40–45 к. за фунт до 55 к. (23%), творог — с 10–12 к. за фунт до 18–20 к. (80%).

Иркутский обыватель рад был бы, по примеру ирландцев, перейти хоть на картошку. Но куда тебе!

Мешок картошки, стоивший 1 июля 1916 г. 1 р. 80 к., теперь стоит 3 р. 80 к. (вздорожание в 120%).

В такой же степени вздорожали остальные овощи. Пучок петрушки, стоивший 1–2 к., теперь стоит 7 к.; редька, стоившая 1 к., идет за 7–8 к.; десяток свеклы, стоивший 20 к., продается за 25 к.; десяток чеснока, стоивший 3–4 к., оценивается в 7–8 к. и т.д. ...

Единственное утешение: дороговизна почти не затронула кедровых орехов. За 7 месяцев цена орехов поднялась всего-навсего на 1 копейку (с 17 к. до 18 к. за фунт).

Щелкай себе на здоровье!

А вот, как щелкают обывателя в дровяном рынке. С начала октября до начала февраля, то есть за четыре месяца, цена воза дров повысилась: за березовые дрова с 3 р. 50 к. — 3 р. 60 к. до 6 р. 80 к. — 7 р. (на 95%); за осиновые дрова с 3 р. 40 к. — 3 р. 50 к. до 4 р. 70 к. — 4 р. 80 к. (на 39%); за сосновые дрова с 3 р.

40 к. — 3 р. 55 к. до 6 р. — 6 р. 10 к. (на 80%); за лиственничные дрова с 4 р. — 4 р. 10 к. до 6 р. 40 к. — 6 р. 50 к. (на 60%). В среднем, цены на дрова поднялись на 68, 5%. Это за 4 месяца!

Впрочем, дровяной вопрос стоит остро лишь в зимние месяцы. Летом потребность в дровах сокращается. Но обойтись без пищи обывателю летом так же трудно, как зимой. Мы видели, что за 7 месяцев цены на все предметы питания на иркутском рынке удвоились. В такой же, если не в большей степени, поднялись цены на мануфактуру...

За 2 года войны реальная ценность рубля иркутского обывателя упала на половину. Рубль стал полтинником...

За 7 месяцев третьего года войны деньги вновь обесценились.

Рубль стал четвертаком с небольшим.

Последний вывод может показаться преувеличением. Проверим его!

Пуд пшеничной муки до войны стоил 1 р. 30 к., теперь стоит 5 р. 60 к.

Фунт сливочного масла стоил 50 к., теперь стоит 2 р.

Четверть молока стоила 25 к., теперь стоит 1 р. 10 к.

Сотня яиц стоила 1 р. 50 к., теперь стоит 5 р. 50 к.

Ботинки, стоившие 4–5 р., теперь идут за 20–25 р.

От общего повышения отстают лишь цены на мясо и на некоторые сорта муки. Зато мануфактура вздорожала в 5–6 раз, колониальные товары и лекарства еще сильнее.

Как это произошло и кому это выгодно — это вопросы сложные.

Но нетрудно представить себе как отзывается дороговизна на положении обывателя, живущего на определенное жалование, располагающего фиксированным доходом. Такой обыватель получает прежнее число рублей в месяц. Но являясь на базар или в лавочку за покупками, он убеждается, что полученные им рубли стоят, по нынешним ценам, не больше, чем по четвертаку штука.

Естественно, что обыватель пытается увеличить число получаемых им рублей, превратившихся в четвертаки. Хватается за лишнюю службу, за подсобные заработки, за сверхурочные работы...

Но всего этого мало. Цены растут. Жить становится все труднее...

(Сибирь. 1917. 18 февр.)

Публикация Д.Я. Майдачевского